

Сравнительный анализ легенды о стрелке по солнцу: от Амура до Тайваня¹

Борис Л. Рифтин

Аннотация. Статья известного отечественного китаиста Бориса Львовича Рифтина (1932–2012) посвящена сравнительному анализу одного из широко распространенных фольклорных сюжетов, рассказывающих о существовании в некие древние времена нескольких солнц и об уничтожении лишних светил мифологическим героем. В значительной мере работа базируется на собственных полевых записях автора, сделанных им у аборигенов Тайваня, у народов бунун и тайя, в 1992–1998 гг.

Исследователь приходит к выводу, что миф о победе над испепеляющим солнечным жаром развился из более общего представления об избыточном количестве солнц, оно встречается и в Европе, и в Африке, но главным образом – в Тихоокеанском регионе, в Восточной Азии и в Америке. Миф же о стрельбе в лишние солнца существует прежде всего в материковом Китае, на Тайване и Филиппинах, в Индонезии и на северо-востоке Индии, но практически не отмечен к северу от Амура, у тюркских народов Центральной Азии и в Тибете. Таким образом, обширный ареал распространения этого мифа имеет четкие границы, причем многие народы, у которых есть подобный сюжет, принадлежат к австроазиатской языковой семье. Возможно, древний миф об уничтожении лишних солнц первоначально появился в Восточной Азии, а затем в процессе миграций был перенесен на Тайвань, на Филиппины, в Индонезию и на некоторые острова Тихого океана.

© Рифтин Б.Л., наследники, 2023

¹ Перевод с китайского выполнен по изданию: *Ли Фуцин* [Б.Л. Рифтин]. Цун Хэйлуңцзян дао Тайвань – шэ тайян шэньхуа бицзяо яньцзю [От Амура до Тайваня – сравнительный анализ мифа о стрельбе в солнце] // Шэньхуа юй гуйхуа – Тайвань юаньчжуминь шэньхуа гуши бицзяо яньцзю. Цзэдин бэнь [Мифы и рассказы о духах – сравнительный анализ мифологических повествований аборигенов Тайваня. Исправленное и дополненное издание]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2001. С. 123–156.

Ключевые слова: миф, мифологический сюжет, мифологическое представление, несколько солнц, солнечный жар, меткий стрелок

Для цитирования: Рифтин Б.Л. Сравнительный анализ легенды о стрелке по солнцу: от Амура до Тайваня / Подгот. к печати А.Б. Старостиной // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 4. С. 14–50. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-4-14-50

Comparative analysis of the legend of the shooter on the sun. From the Amur to Taiwan

Boris L. Riftin

Abstract. The article by the well-known Russian sinologist Boris Lvovich Riftin (1932–2012) is devoted to a comparative analysis of one of the most widespread myths that tells about the existence of several suns in some ancient times and the destruction of superfluous ones by a mythological hero. To a large extent, the article is based on the author's own field recordings among the natives of Taiwan, the peoples of Bunun and Taiya, in 1992–1998.

The researcher comes to the conclusion that the myth that relates the hero's victory over the unbearable solar heat, was developed from a more general idea of an excessive number of suns. It is found in Europe as well as in Africa, but mainly in the Pacific region, East Asia and America. The myth of shooting superfluous suns exists mainly in mainland China, Taiwan and the Philippines, Indonesia and northeastern India, but is practically not noted north of the Amur river, among the Turkic peoples of Central Asia and Tibet. Thus, the area of distribution of this myth has clear boundaries, and many peoples who have similar stories belong to the Austroasiatic language family. Perhaps the ancient myth of the destruction of additional suns originally appeared in East Asia, and then during migrations was transferred to Taiwan, the Philippines, Indonesia and some islands in the Pacific.

Keywords: myth, mythological plot, mythological representation, several suns, solar heat, marksman

For citation: Riftin, B.L. (2023), "Comparative analysis of the legend of the shooter on the sun. From the Amur to Taiwan", edited a new publication A.B. Starostina, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 4, pp. 14–50, DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-4-14-50

1.

Более семидесяти лет тому назад, а именно в 1926 г., немецкий профессор Э. Эркес опубликовал в голландском журнале «Тун бао» статью, озаглавленную «Китайско-американские мифологические параллели»². Насколько мне известно, это наиболее раннее специальное исследование, посвященное сравнительному анализу китайских мифов. Кроме мифов о стрельбе в солнце у американских индейцев и у древних китайцев, в исследовании профессора Эркеса были также упомянуты опубликованные Б. Лауфером мифы, бытовавшие у нанайцев – народа тунгусо-маньчжурской языковой семьи. В 1937 г. вышла в свет статья под заголовком «Стрельба в солнце», написанная другим немецким ученым – профессором О. Менхен-Хельфеном [Mänchen-Helfen 1937], который продолжил анализ Э. Эркеса. Его работа представляет тщательное исследование, проведенное на основе многочисленных мифов Китая, Средней Азии, Индонезии и Америки. Впервые были упомянуты мифы о стрельбе по солнцу тайваньских пуюма (бинань), а также материалы по мифам лоло (ветвь ицзу) и вьетнамских яо.

Сейчас мы знаем, что у маньчжуров и других народов, проживающих на юго-востоке Сибири и говорящих на языках тунгусо-маньчжурской семьи, например у орочей, негидальцев, удэгейцев, а также нивхов, живущих на нижнем Амуре и на Сахалине, чье происхождение неизвестно, тоже есть мифы о стрелке по солнцу³. Есть они у нескольких народов, говорящих на языках монгольской семьи, в том числе у населения Внутренней Монголии. Мифы о стрельбе в солнце распространены и среди тюркоязычных тувинцев, тоже приверженцев тибетского буддизма. На юге КНР они присутствуют у говорящих на тай-кадайских языках народов чжуан, буи, дай, шуйцзу, дун, маонань; у говорящих на языках лолойской группы народов ицзу, лису и хани; у говорящих на языках хмонг-мьенской группы народов мяо и яо. Дулуны (други, языковая ветвь не определена), туцзя (их язык, вполне вероятно, является изолированным), цзинпо (язык относится к тибетско-бирманской семье) тоже знают подобные мифы⁴. Хотя у народа ва, относящегося к южноазиатской языковой семье

² Erkes E. Chinesisch-Amerikanische Mythenparallelen // T'oung Pao. 1926. No. 24. S. 32–53.

³ См.: Крейнович Е.А. Очерк космогонических представлений гилак о-ва Сахалина // Этнография. 1929. № 7(1). С. 87.

⁴ См.: Чжунго гэ миньцзу цзунцзяо юй шэньхуа да цыдянь [Большой словарь религии и мифологии народов Китая]. Пекин: Сюэюань чубань-шэ, 1993. 980 с.

и проживающего во Вьетнаме и на севере Мьянмы, представлений о нескольких солнцах нет, у него присутствуют схожие мифы о стрельбе в солнце (солнце стрелой делится на две части, одна из которых становится луной)⁵.

Существуют мифы о стрельбе в солнце и у аборигенов Тайваня – бунунов, тайя (атаял), рукай, цоу (включая канаканаву, т. е. южных цоу), сайся, пуюма (бинань), сэдэк (сайдэкэ, иногда их считают ветвью тайя); у ямэй (ями) с острова Ланьшуй также есть собственное предание о победе над лишними солнцами. У народов филиппинского острова Лусон – апайо, набалой, игоротов, а также у даяков из Индонезии, народов абор и миньонг из северо-восточной части Индии (которые, возможно, относятся к системе языков мунда, т. е. ветви австроазиатской семьи, но я не нашел этому подтверждения); у других народов восточной Индии, например, у синпо и каман мишми есть легенды об уничтожении лишних солнц, но без помощи стрельбы из лука [Egli 1989, S. 309].

Кроме мифов о лишних солнцах, у тайя на Тайване есть мифы, схожие с мифами народа ва: в глубокой древности было одно солнце, но не существовало дня и ночи, потом кто-то разделил сутки на две части, разделил солнце и луну (согласно изданной в 1920 г. 2-й части «Отчета об изучении аборигенов Тайваня. Тайя»)⁶. У чамов (кит. чжаныцзу), живущих в центральном Вьетнаме и говорящих на языке, принадлежащем к австронезийской семье (малайско-полинезийской подсемье), тоже есть мифы о стрельбе в солнце⁷. Японские мифы о солнце как о трехлапом вороне и о стрельбе в него, вероятно, были заимствованы из Китая в эпоху Тан [Ямада Хитоси 1997, с. 59–69].

После профессора Эркеса и Менхен-Хельфена многие в Китае и на Западе занимались изучением мифов о стрелке по солнцам, но монографических исследований по этой теме есть только два. Автором первой книги, «Сравнительное исследование мифов и легенд аборигенов Формозы» [Ho Ting-juí 1971], был профессор

⁵ См.: Вацзу миньцзянь гуши [Сказки народа ва] / Сост. Ай Ди, Ши Энь. Куньмин: Юньнань жэньминь чубаньшэ, 1990. С. 18–19; Вацзу миньцзянь гуши цзичэн [Полное собрание сказок народа ва]. Куньмин: Юньнань миньцзя чубаньшэ, 1990. С. 54–56. Но согласно другому мифу народа ва, представление о двух солнцах у ва тоже присутствовало (Вацзу миньцзянь гуши цзичэн [Сказки народа ва]. С. 48–50).

⁶ *Саяма Юкити*. Бандзоку тэса хококу-сэ [Отчет об изучении аборигенов Тайваня]. Т. 2. Тайхоку: Риндзи Тайван кюкан тэсакай, 1920. 206 с.

⁷ См.: *Trần Việt Kinh* [Чан Вьет Кинь]. Nữ thần PôNaGar [Богиня Понагар]. Hà Nội: NXB Văn hóa dân tộc, 1989. С. 69.

Хэ Тин-жуй из университета Флорида в США. Вторая работа – приложение к собранию легенд и историй тайваньского народа пайван, вышедшему в 1989 г. и составленному швейцарским пастором Х. Эгли [Egli 1989, S. 309]. В последнее время ученые материкового Китая и Тайваня опубликовали немало книг, связанных с исследованием китайских мифов, например «Китайские мифы о сотворении мира» Тао Яна и Моу Чжун-сю, несколько статей Сяо Бина и «Мир китайских мифов» Ван Сяо-ляня. Во всех них рассматриваются мифы разных народов Китая о стрельбе в солнце, привлекается богатый материал, но о народах, проживающих за пределами Китая, там нет данных⁸.

Хотя исследований, посвященных мифам о стрельбе в солнце, немало, я считаю, что работу в этой области следует продолжить. Во-первых, за последние годы в Китае было опубликовано немало мифов малых народов о солнце, тогда как Э. Эркес рассматривал только нанайский материал; Хэ Тин-жуй писал о мифах, созданных лоло (ветвь ицзу) и мяо; Х. Эгли пользовался в основном западными источниками, поэтому опирался лишь на мифы тех же народов, что и Хэ Тин-жуй. Во-вторых, насколько мне известно, ни один из упомянутых ученых не занимался сравнительным изучением этапов развития этого мифа, поэтому так и не были поставлены следующие важные вопросы:

Каков первоначальный облик мифа о стрельбе в солнце?

Кто именно идет походом против солнца или уничтожает избыточные светила, т. е. кто является культурным героем: животные, группа людей, один безымянный человек, охотник или божество?

Каким образом уничтожаются лишние солнца – их проглатывают, грызут, сбивают бамбуковым шестом, убивают ножом, сбивают стрелами?

Связаны ли как-нибудь мифы об усмирении солнца с верованиями и обычаями того или иного народа?

Как миф о стрелке по солнцу в своем развитии становится сказкой, как превращается в тему народного эпоса? (Это вопросы эволюции сюжета о стрельбе в солнце.)

Как в конечном счете размываются сами эти сюжеты и мотивы стрельбы в солнце?

Хотя в данной статье нет возможности подробно рассмотреть все эти вопросы, их следует поставить, чтобы осуществить первоначальный анализ. С 1992 по 1998 г., находясь на Тайване, я прово-

⁸ Уже после того, как данное исследование было опубликовано, автор ознакомился с диссертацией японского ученого Ямада Хитоси «Стрелок по солнцам» (1997), в которой собраны мифы о стрелке по солнцу со всего мира.

дил полевые исследования, специально записывая мифы и народные рассказы бунунов и тайя, поэтому в основе предлагаемого исследования лежат мифы именно этих народов.

2.

Мифы о солнце являются одними из самых распространенных в мире; согласно Вяч. Вс. Иванову, уже среди архаических мифов есть такие, которые повествуют о том, как возникло солнце, а также об уничтожении лишних солнц⁹.

У аборигенов Тайваня нет мифов о возникновении солнца. Мне известно лишь одно исключение. В 1998 г. во время поездки в деревню Фушицунь волости Сюлинь в уезде Хуалянь для интервьюирования тароко (народ сэдэк) я встретил христианского священника-сказителя (его китайское имя Сюй Тун-и). Он рассказал такое предание: «Давным-давно солнца не было, и люди в повседневной жизни получали свет от хвороста. Однажды, когда два старца тароко с хворостом вышли прогуляться, ветер унес их и прицепил к небу. Эти старцы превратились в солнца». Хотя в принципе происхождение солнца – тема архаических мифов, нельзя с полной уверенностью утверждать, что в данном сэдэковом предании сохранился древний мотив. Дело в том, что для сэдэков из других районов (например, из уезда Наньтоу) нехарактерны истории о происхождении космоса, считается, что небо, море, солнце и тому подобное существовали изначально. Возможно, в данном случае мы имеем дело с «авторской версией», созданной Сюй Тун-и.

Что касается некоторых народов на юге материкового Китая, то у буи, например, есть миф о том, что солнце и луну создал предок Ли-га, народ маонань считает, что двенадцать солнц сотворил Небесный император, а в мифах мяо Лэн-ван Баньян Пэнжун сам принес на небо двенадцать солнц и двенадцать лун. Согласно другой легенде, бытующей среди мяо из Дяньдунбэя, медник расплавил золото и серебро, затем выковал восемь солнц и восемь лун и т. д. Из этого видно, что мифы о творце мира, божестве или кузнеце, возможно, не особенно древние. У сравнительно архаических народов, например у аборигенов Тайваня, могут быть только представления о нескольких солнцах, у остальных упомянутых выше народов есть мифы о том, как были уничтожены лишние светила, но у большинства из них нет легенд о происхождении солнца. Следует обратить внимание на то, что предпосылкой сюжетного развития является или нехватка, или, напротив, избы-

⁹ См.: *Иванов В.В.* Солярные мифы // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 461.

ток чего-либо (например, солнечного света). Источник солярных мифов – нехватка солнечного света или его избыток, когда жара непереносима, на основе подобных взглядов и происходит их формирование.

Мифы об усмирении солнц у многих народов схожи, в основном в них представлены два мотива. Первый – на небе одновременно появляются несколько солнц; второй – герой уничтожает лишние солнца. В подобных мифах есть и некоторые другие мотивы, например, оставшееся солнце прячется, темная ночь окутывает землю, различных животных отправляют звать солнце, но безрезультатно. Только петух оказывается способен его вызвать.

Первый мотив («на небе одновременно появляется несколько солнц») присутствует не только в мифах вышеназванных народов, он распространен гораздо шире, чем второй. Так, о семи солнцах рассказывают ханты, проживающие на западе Сибири. В нескольких районах Меланезии, у народа яп с островов Яп в Микронезии, у семангов Малайзии, у североамериканских индейцев (например, у народа шаста из Калифорнии), у мексиканских индейцев, у инков и кашинава из Южной Америки, у африканских народов йоруба и эве и у некоторых других есть представления о нескольких солнцах [Egli 1989; Mänchen-Helfen 1937, S. 87–88].

В древних мифах Индии (в «Вишну-пуране») тоже есть упоминание о семи солнцах, но речь идет не о семи солнцах в прошлом, а о том, что в будущем может появиться одновременно семь солнц, чтобы осветить землю, и так будет продолжаться до конца света. Тогда божество Вишну спустится к людям, он поможет солнцу расширить свой свет, от чего образуются семь солнц, которые уничтожат три мира. Среди народных сказаний Цейлона есть подобные мифы [Mänchen-Helfen 1937, S. 78–79].

В мифах якутов говорится, что верховный бог – старик Юрюнг Айы Тойон жил на самом верхнем небе, где было два солнца. Впоследствии он раздвинул эти два солнца, создал третье и повесил его между небом и землей с тем, чтобы это солнце светило якутам¹⁰.

В древней ханьской легенде говорится о том, что на небе было десять солнц. Китайские ученые считают, что эта цифра имеет отношение к понятию «десяти небесных стволов» древнекитайской метафизики, а поэтому эта легенда не может относиться к очень архаическим. Однако кроме ханьцев (миф о стрелке Хоу И, записанный в «Хуайнань-цзы») миф о «десяти солнцах» есть у яо, есть представление о «десяти днях» и у шаста в Калифорнии, поэтому связь между десятью солнцахми и «десятью небесными

¹⁰ См.: Алексеев Н.А. Якутская мифология // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 682.

стволами» совсем необязательна. Есть народы, у которых зафиксировано другое количество солнц: у лоло существовало шестьдесят шесть солнц [Ямада Хитоси 1997, с. 204], у сычуаньских мяо было по тридцать шесть солнц и тридцать шесть лун¹¹, а также шесть солнц и семь лун; встречается у лоло и упоминание о семи солнцах. В мифах японцев идет речь о семи солнцах, у даяков из Индонезии тоже семь солнц, столько же у народа дай, у народа тхай во Вьетнаме – девять солнц, у гэлао – семь солнц, семь лун; у буи двенадцать солнц; у монголов два, три, четыре, семь, восемь, девять, двенадцать солнц. Встречаются мифы, где говорится о трех или пяти солнцах. У чжуанцев – двенадцать солнц, такое же количество солнц и еще двенадцать лун у вьетнамских чамов. Возможно, представление о двенадцати солнцах соотносится с количеством месяцев в году.

В мифах народов, проживающих в иных, нежели ханьцы, географических условиях, солнц меньше. Например, у проживающих вдоль Амура нанайцев и орочонов говорится только о трех солнцах, у аборигенов Тайваня солнц всего два – за исключением пуюмов: у них восемь солнц. В мифах народов Филиппин, Меланезии, Микронезии и северо-востока Индии количество солнц одинаково; это едва ли случайно и, возможно, указывает на то, что в древности между этими народами существовали связи.

Профессор Линь Хэн-ли (Тайвань) считает, что в ранних ханьских мифах речь шла только о двух солнцах, а позже, когда сформировалась концепция «десяти небесных стволов», появился и мотив десяти солнц [Линь Хэн-ли 1962, с. 110]. Такой взгляд выглядит вполне резонным, однако он уязвим, поскольку, как уже говорилось, в мифах народа яо и у калифорнийских шаста встречается упоминание о десяти солнцах, но нет представления о «десяти небесных стволах».

Хотя о нескольких солнцах часто говорится в легендах многих азиатских и некоторых американских народов, индекс Ст. Томпсона называет только три соответствующих мотива: F961.1.3 – несколько солнц на небе; F961.1.3.1 – два солнца (мифы Ирландии и Исландии); F.961.1.3.2 – три солнца¹². Как видно из приведенных выше материалов, эти сведения следует дополнить.

¹¹ См.: Юань Кэ. Чжунго миньцзу шэньхуа цыдянь [Словарь мифов народов Китая]. Чэнду: Сычуань шэн шэхуэй кэсюэюань чубаньшэ, 1989. С. 72.

¹² См.: *Thompson S. Motif-index of folk-literature. A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Revised and enlarged edition. 6 vols. Copenhagen; Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958.*

Второй мотив – уничтожение лишних солнц. В мифах большинства народов чаще всего встречаются представления о том, что солнце сбивают стрелой. Например, в «Хуайнань-цзы» стрелок Хоу И сбивает десять солнц именно стрелами из лука. Согласно разделу «Хайнэй цзин» в «Книге гор и морей», «Ди Цзюнь (Верховный владыка) дарит И ярко-красный лук и белые стрелы»¹³. Хотя это самая ранняя запись мифа об уничтожении лишних солнц, она не отражает самую древнюю стадию его развития: с точки зрения истории человеческого общества он мог появиться только после того, как люди в эпоху палеолита научились делать луки. Кроме того, персонажи этого мифа были сыновьями верховного божества, спустившимися на землю, а представления о верховном божестве не относятся к числу архаических. В японских мифах о стрелке по солнцу, получивших развитие под влиянием древних китайских легенд, лук и стрелы дарит стрелку Сын Неба [Ямада Хитоси 1997, с. 59].

Есть народы, у которых сохранилась самая, вероятно, архаическая, простая форма рассказа, – например, ямэй с острова Ланьюй. Фактически этот народ, в отличие от других коренных народов Тайваня, относится к малайско-полинезийским, его культура схожа с культурой иватанов, проживающих в северной части Филиппин [Benedek 1991, р. 4, 33]. Ямэй занимаются рыболовством, они не охотятся, поскольку на острове Ланьюй нет зверей; они не знают лука и стрел, поэтому в их мифах об истреблении лишнего солнца говорится, что второе солнце уничтожают (прогоняют) магическими заклинаниями или небольшим мечом, смоченным человеческой кровью (такое оружие считается заколдованным и смертельно опасным).

У некоторых племен народа пайван также существует миф о стрельбе в солнце (к сожалению, Ханс Эгли не указывает, где именно он был записан). Только у племени бутсул упоминаются лук и стрелы, но при этом там сохранились и самые простые формы мифа – например, женщина пестиком тычет в низкое небо, чтобы оно поднялось выше, и тем самым одновременно сбивает солнце [Линь Хэн-ли 1962, с. 99]. Согласно данным, собранным японскими учеными, у десяти с лишним общин народа пайван есть мифы о том, что второе солнце было уничтожено с помощью пестика [Ямада Хитоси 1997, с. 133–137].

Мотив осуждения или проклятия солнца из-за его слишком ярких, жгучих лучей присутствует в указателе Ст. Томпсона

¹³ Юань Кэ. Шань хай цзин цзяо чжу. [«Книга гор и морей»: критическое издание с комментариями]. Тайбэй: Лижэнь шуцзюй, 1981. С. 466.

(L351.2)¹⁴, но в качестве примеров назван только индийский; кроме того, не сказано, изгоняется ли солнце в итоге. У ямэй с острова Ланьюй тоже есть миф о том, как были прокляты два солнца [Ямада Хитоси 1997, с. 147]. У цзинпо из провинции Юньнань также бытует подобное сказание, люди ругают лишние солнца, а затем колют их (не сказано, каким именно орудием), и лишние солнца убегают. Здесь мотив уничтожения лишнего солнца пропадает очень смутно.

В мифах цзинпо, собранных в Мьянме в начале XX в., есть следующее описание: у солнца было девять сыновей (маленьких солнц); так как люди украли рис у родителей риса и хлопка, которых звали *Waren La* и *Phungtang Majan* (женщина), отец-солнце велел своим детям – девяти солнцам – одновременно подняться на небосклон и наказать людей. Люди приготовили огромный лук и множество живых змей и решили начать войну против семейства солнц. Увидев это, солнца бежали, захватив с собой и семейство лун¹⁵. Хотя в различных записях этого мифа и говорится об огромном луке, но нет речи о том, что люди стреляли по солнцу; вероятно, солнца, увидев огромный лук и змей (можно предположить, что ядовитые змеи заменяли стрелы), сразу же убежали. В мифах цзинпо, собранных в Юньнани, говорится только о том, что пришли все вместе – кто ругался, а кто колол, так и прогнали девять солнц¹⁶; мотива стрельбы в солнце опять-таки нет.

В легендах некоторых народов материкового Китая герой, бросающий вызов солнцу, использует оружие гораздо более простое и примитивное, чем лук и стрелы. Например, у гэлао из провинции Гуйчжоу сохранились подобные мифы, очень ранние. Согласно им, в древности на небе было семь солнц и семь лун, силач А-ин длинным бамбуковым шестом с высокого дерева, растущего на горе, дотянулся до неба и сбил шесть солнц и шесть лун¹⁷. У Ст. Томпсона есть мотив «с помощью лестницы подняться на небо» (A666)¹⁸, но он встречается редко, упомянут только для Ирландии. Есть и другая история, содержащая мотив «убить два солнца с помощью растения» – в ней говорится только о том, что братьев солнца хотели убить венцом петушиного гребня, но не говорится, убили ли.

¹⁴ См.: *Thompson S. Motif-index of folk-literature...*

¹⁵ См.: *Gilhodes C. The Kachins: Religion and Customs. Calcutta: Catholic Mission Press, 1922. P. 356.*

¹⁶ См.: Чжунго гэ миньцзу цзунцзяо юй шэньхуа да цыдянь [Большой словарь религии и мифологии народов Китая]. С. 362–363.

¹⁷ См.: Юань Кэ. Чжунго миньцзу шэньхуа цыдянь [Словарь мифов народов Китая]. С. 332.

¹⁸ См.: *Thompson S. Motif-index of folk-literature...*

Этот миф относится к разряду мифов об уничтожении лишних солнц. Согласно легенде тайваньского народа бинань (пуюма), записанной в 1903 г. англичанином Дж. Дэвидсоном, один силач сделал из травы лестницу, поднялся на небо, начал драться с солнцами и убил шесть (не сказано, каким оружием) [Ho Ting-jui 1971, p. 214]. В мифе калифорнийских шаста говорится о том, что койот зарезал ножом девять солнц; неизвестно, пользовались ли в этом племени луком [Ho Ting-jui 1971, p. 225–226]. Большинство упомянутых выше народов – ханьцы, мяо, яо, чжуан, буи, дун, дай, дулун, хани, лису, маонань, ицзу, шуйцзу, а также аборигены Тайваня, апайо, набалой и бонток с острова Лусон, нанайцы, орочи, удэгейцы, нивхи из низовий Амура и с острова Сахалин; монголы; народы абор и миньонг из восточной части Индии, лепча из Сиккима, вьетнамские чамы и японцы – все они в своих мифах использовали мотив стрельбы в солнце из лука.

В мифах о стрельбе в солнце герой использует необычные лук и стрелы. Об этом речь идет и в фольклоре некоторых народов материкового Китая. Например, у шуйцзу говорится о том, что творец мира богиня Яу подарила людям железный лук и медные стрелы, а богатырь выстрелил ими в солнце¹⁹. В мифе народа дай великан, искусный стрелок из лука, мастерит лук весом в десять тысяч цзиней, чтобы выстрелить в солнце²⁰, в мифах яо белобородый старец сообщает герою Яла, как сделать лук из хвоста тигра, тетиву из жил тигра и стрелы из рогов оленя²¹. Мы можем с уверенностью сказать, что миф о стрелке Яла не является очень ранним, потому что в ранних мифах отсутствует помощник в образе старца с белой бородой и описание процесса изготовления оружия.

Представление о том, что для стрельбы в солнце не подходит обыкновенное оружие, возникло очень рано. В «Книге гор и морей» есть запись о том, что ярко-красный лук и белые стрелы – дар Ди Цзюня, а это значило, что лук для стрельбы в солнце должен был появиться из иного мира. В мифах юньнаньских лису говорится о том, как добыть золотой арбалет и серебряные стрелы Царя драконов, чтобы сбить девять солнц и семь лун на небосклоне²². И этот арбалет был добыт из иного мира (подводного

¹⁹ См.: Чжунго гэ миньцзу цзунцзяо юй шэньхуа да цыдянь [Большой словарь религии и мифологии народов Китая]. С. 555.

²⁰ Там же. С. 83. *Цзинь* – 500 граммов (в современной системе весов).

²¹ Там же. С. 654.

²² См.: Лису цзу миньцзянь гуши сюань [Избранные сказки народа лису]. Шанхай: Шанхай вэньи чубаньшэ, 1985. С. 5. В этой книге описывается, что золотой арбалет и серебряные стрелы были сделаны во дворце Царя драконов. Согласно «Собранию материалов по архаическим

дворца). В мифах аборигенов Тайваня нет подобных представлений, но иногда встречается утверждение, что из обычного лука сбить солнце нельзя. Японский профессор Фудзисаки Сэйносукэ, например, в 1930 г. опубликовал запись мифов народа тайя о стрелке по солнцу, где человек стрелял из лука стрелами, но не причинил светилу никакого ущерба, а попал в солнце только тогда, когда выстрелил в него penisом белки. Это нетипично, ни в одном другом мифе ни о чем подобном не говорится. Вероятно, считалось, что из простого лука невозможно попасть в солнце, иначе зачем надо было использовать penis белки? Я спрашивал об этом нескольких представителей народа тайя, но они ничего такого не знали; здесь нужны дальнейшие исследования.

3.

Обсуждения требует еще один вопрос: кто именно является героем, стреляющим в солнце и сбивающим его? Мне известно, что у трех народов (абор и миньонг в восточной части Индии, лепча в Сиккиме) это лягушка или жаба. У нивхов с нижнего течения Амура и острова Сахалин в солнце стреляет также не человек – в то время на земле еще не было людей, а было только два брата – синицы; на летающем олене они поднимаются на небо и сбивают лишние солнца. Затем младший брат женится на золотой птичке, и от них рождаются небесные люди; старший брат женится на серебряной птичке, и от них рождаются земные люди²³. У шаста в Калифорнии нет речи о луке и стрелах, но тоже говорится о животном,

религиям» (Юаньши цзунцзяо цзыляо цунбянь [Собрание материалов по архаическим религиям]. Т. Наси, цян, лису. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1993. С. 732–733), лису поклоняются дракону и каждый год в третьем месяце приходят к большому дереву у Драконьего водоема, чтобы принести жертвы. По «Большому словарю религии и мифологии народов Китая» (Чжунго гэ миньцзу цзунцзяо юй шэньхуа да цыдянь [Большой словарь религии и мифологии народов Китая]. С. 382), у лису из Вэйси в Юньнани есть древняя церемония «лубади», т. е. «жертвоприношение дракону»; в действительности она подразумевает «брань по адресу дракона», поскольку лису верят, что нарывы на руках и ногах появляются из-за злокозненных действий дракона. Однако в обеих этих книгах не упомянуты ни Царь драконов, ни его дворец. Возможно, подобные реалии были привнесены переводчиком или редактором-ханьцем; это требует уточнения. Как бы то ни было, арбалет и стрелы добыты из подводного царства.

²³ См.: *Крейнович Е.А.* Очерк космогонических представлений гилак о-ва Сахалина. С. 83–84.

уничтожающем лишние солнца с помощью ножа – это койот, часто встречающийся в мифах индейцев.

Анализируя все это с позиций сравнительной фольклористики и взяв в качестве примера мифы северной Азии или индийских племен Америки, можно увидеть, что главный герой в первобытных мифах (творец мира или всего сущего, например солнца, или герой, покоривший потоп у народов бунун и цоу) чаще всего является не человеком, а животным, например, это ворон, заяц, краб и т. д. У эскимосов героем, который ворует солнце, является заяц, в мифах палеоазиатских народов это ворон, в довольно поздних мифах эскимосов есть описание того, как солнце прячут, но после того, как животное его украло, над землей показываются лучи. Где-то говорится, что вор – некий безымянный человек, в других вариантах – сирота, любимый персонаж эскимосов (но и он сначала превращается в ворона, а потом идет искать солнце) [Мелетинский 1979, с. 101].

Из этого можно сделать предположение: в первобытных мифах героем, уничтожившим солнце, был не человек, а животное, что связано с тотемическими представлениями; вполне вероятно, что в них сохраняются и более ранние воззрения, допускавшие поклонение сразу нескольким животным (см. выше). Ранее говорилось о том, что у гэлао в провинции Гуйчжоу герой А-ин (орел) длинным бамбуковым шестом сбивает лишние солнца, но в некоторых мифах малых народов Китая также говорится о животных, уничтожающих солнце, например, в мифе туцзя одиннадцать солнц уничтожает зеленая жаба, как и в мифах северо-востока Индии и Сиккима. Однако в мифе жаба не стреляет в солнце, а поднимается на небо и проглатывает его [Лю Чэн-хуай 1991]. У лицзу с острова Хайнань лишние солнца также уничтожает животное, не прибегая к помощи оружия. Горная свинья сгрызает солнце, клыками скусывает четыре лишних солнца и четыре лишние луны²⁴. Миф о горной свинье, вероятно, не является самым примитивным, потому что жаба, глотая солнце, не требует за это никакого вознаграждения, а свинья требует, чтобы люди кормили ее рисом. В более архаических мифах животное помогает людям безвозмездно (как в мифах о потопе у бунунов и цоу: у первых краб укрощает потоп, не требуя вознаграждения, у вторых он просит лишь лобковые волосы девушки).

Во всех других мифах стрелком по солнцу становится человек, в некоторых мифах это творец, как у орочей в низовьях Амура, живущих на его северном берегу: раньше на земле не было людей,

²⁴ См.: *Тао Ян, Моу Чжун-сю*. Чжунго шэньхуа [Мифы Китая]. Шанхай: Шанхай вэнь чубаньшэ, 1990. С. 185.

был только творец Хадау, он из лука стрелял по трем солнцам, стрелы поразили сестер солнца – старшую и младшую, осталось среднее солнце, затем Хадау создал семью орла и семью ворона, а затем в разных местах создал людей²⁵. В мифах удэгейцев первый человек на земле сбил два солнца и оставил третье²⁶. В мифах буи предок Ли-га создал двенадцать солнц и велел им по очереди сменять друг друга. Однако они, против ожиданий, стали подниматься и заходить одновременно, поэтому он создал лук со стрелами и сбил десять солнц²⁷. У народа буи есть еще один вариант легенды: во-первых, согласно древней песне, люди не выдержали жара двенадцати солнц и герой Нянь-ван сбил солнца; во-вторых, согласно другой древней песне, на небе было девять солнц, собравшийся народ поручил Бу-дину стрелять в солнце из лука, и он сбил семь солнц одно за другим²⁸.

Мифы вьетнамских чамов о стрелке по солнцам относятся ко времени создания мира, но в них не описывается создание солнц, говорится только о том, что во времена творения мира на небе было двенадцать солнц и двенадцать лун, стояла нестерпимая жара, не могли расти растения. Святой Номайсбайтядонг (здесь видны достаточно поздние взгляды; однако неизвестно, как звучало это имя в оригинале) поразило двенадцать солнц и двенадцать лун, и во всем мире наступила тьма. В мифе тайваньского народа бинань, опубликованном в начале XX в. англичанином Дж.У. Дэвидсоном, лишние солнца (всего их на небе было шесть) сбил первый сын первой супружеской пары²⁹.

У некоторых народов (например, у лису) события мифа о стрельбе в солнце помещают во времена сразу после потопа: таким образом, появление на небе нескольких солнц – это второе великое бедствие.

В мифах большинства народов солнце сбивает умелый стрелок, герой древних сказаний, конечно, у разных народов его зовут по-разному, иногда его имя варьируется и в мифах одного народа (возможно, они бытуют в разных районах и у разных племен). Например, не только у буи, но и у мяо есть несколько героев, сбив-

²⁵ См.: Ороцкие сказки и мифы / Сост. В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева. Новосибирск: Наука, 1966. С. 193–194.

²⁶ См.: *Крейтович Е.А.* Указ. соч. С. 85.

²⁷ См.: Чжунго гэ миньцзу цзунцзяо юй шэньхуа да цыдянь [Большой словарь религии и мифологии народов Китая]. С. 44.

²⁸ См.: Буи цзу вэньсюэ ши [История литературы народа буи]. Гуйян: Гуйчжоу миньцзу чубаньшэ, 1992. С. 34–36.

²⁹ См.: *Davidson J.W.* The Island of Formosa. L.; N.Y.: Macmillan, 1903. P. 578. Цит. по: [München-Helfen 1937, S. 77].

ших солнце; в мифе «Святая нить вне неба» лучшие стрелки – это сын падучей звезды Санчжа, Ян Я, Чжан Го-лао (но не Чжан Го-лао – один из восьми святых у ханьцев)³⁰. При этом у многих народов мифологический стрелок в солнце безымянен, например, у нанайцев это некий отважный человек, в другом варианте – один старец. Тем не менее в 1911 г. среди амурских нанайцев была сделана запись о Дахсуре – ребенке, родившемся от березы, который, став взрослым, сбил два солнца³¹.

В мифах о стрелке по солнцу, записанных среди аборигенов Тайваня в XX в., герой – всегда человек. В мифах, записанных мною у бунунов уезда Хуалянь, покорять солнце отправляется группа безымянных людей, что не похоже на древние мифы ханьцев, в которых один герой – стрелок Хоу И выполняет эту миссию. Раньше у бунунов не было представлений о божествах, не было и вождя племени (избрать вождя их заставили японцы), только накануне боевых схваток они выбирали себе главу. У них также нет песен, прославляющих героев, в своих песнях они воспевают собственные успехи. Эти песни называются *маластанам*, каждый должен петь (фактически ритмично декламировать), рассказывая о своих успехах – вероятно, поэтому у них отсутствует представление о героях всего народа (или всего племени).

Заслуживает внимания тот факт, что в бунунских мифах, собранных в уезде Хуалянь, группа людей идет бороться с солнцем. Объясняется это тем, что из-за жары они не могут обрабатывать землю. Подобная причина существует и в мифах тайя: люди собираются вместе, решают идти убить солнце, выбирают трех богатырей-юношей и поручают им эту задачу³². У племени ситоу народа тайя уничтожать солнце идут пять человек³³, у тароко (народ сэдэк) идут отдельно группы взрослых мужчин, юношей и мальчиков, но только юноши и мальчики достигают цели и выполняют задачу³⁴. В мифах племени мабоала народа тайя сначала выбирают трех юношей покорить солнце, но, поскольку идти далеко, юноши становятся стариками, и только один из них возвращается домой. Племя вновь отправляет трех человек, каждый из них несет на спине ребенка; потом они становятся старыми и умирают, но дети,

³⁰ См.: Чжунго гэ миньцзу цзунцзяо юй шэньхуа да цыдянь [Большой словарь религии и мифологии народов Китая]. С. 485.

³¹ См.: Крейтович Е.А. Указ. соч. С. 85–86.

³² См.: Саяма Юкити, Ониси Ёсихиса. Сэйбан дэнсэцу сю [Собрание преданий аборигенов Тайваня]. Тайхоку: Сугита дзюдзо шотэн, 1923. С. 492–495.

³³ Там же. С. 495.

³⁴ Там же. С. 500.

которые по дороге вырастают, достигают места, где солнце поднимается на небо, и сбивают одно солнце. Этот миф был записан в начале XX в. японцами³⁵.

У каман мишми на северо-востоке Индии встречаются мифы, подобные вышеназванным: когда-то было четыре солнца, люди племени собрались, решили уничтожить три солнца и для этого выбрали восьмерых богатырей и двух собак. У других народов не упоминаются собаки, лишь у тайваньских пинпу герой, отправляясь покорить солнце, берет с собой собаку. По дороге семь человек умирают, оставшийся вместе с собакой уничтожает (неизвестно, каким образом) три солнца, а затем возвращается [Ho Ting-ju 1971, p. 218].

Эти примеры свидетельствуют о том, что во многих мифах аборигенов Тайваня покорение солнца не является подвигом отдельного героя, это коллективное деяние. Однако иногда, например у бунунов в общине Такбануаз, несмотря на то что покорение солнца – коллективная задача, ее в конечном счете поручают герою из семьи Боань в общине Каритан, известному своей военной доблестью³⁶. У бунунов, как и у других аборигенов Тайваня, по мере образования отдельных семей первобытные мифы постепенно превратились в фольклорные сказания (первобытные мифы могут развиваться в религиозные сказания, сказки или эпические поэмы); поэтому в той же общине рассказывают, что одна женщина работала в поле и оставила в тени ребенка, но солнце его сожгло, и он превратился в ящерицу (это схоже с мифом, который мы записали в уезде Хуалянь у бунунов). Однако уничтожать солнце пошли не безличные «они», отомстить за ребенка отправился отец ребенка. Хотя в истории не звучит слово «отомстить», смысл именно таков: женщина сообщила о несчастье мужу, муж сильно удивился, предположил, что убийство – дело рук солнца, и собрался в дорогу отомстить злему солнцу³⁷; сам рассказчик назвал этого отца мстителем³⁸. Существует вариант мифа, записанный в начале XX в. японцами у такиватанов³⁹. В мифах человек совершает дела для всего человечества (например, Хоу И сбивает солнце), а в фольклорных сказаниях человек действует ради себя самого или своей семьи; отец идет сбить солнце не с тем, чтобы избавить людей от

³⁵ См.: *Фудзисаки Сэйносукэ*. Тайван-но бандзоку [Аборигены Тайваня]. Тайхоку: Тайван нити нити, 1915. С. 492–495.

³⁶ См.: *Саяма Юкити, Ониси Ёсихиса*. Сэйбан дэнсэцу сю [Собрание преданий аборигенов Тайваня]. С. 502–504.

³⁷ Там же. С. 504–506.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 260.

невыносимой жары, а чтобы отомстить за погибшего сына, – это особенность фольклорных сказаний.

В данной истории, распространенной в этой общине, есть еще одна особенность: раненое солнце говорит возвращающемуся мстителю: «Путь далек, съешь это и иди!» – и дает ему множество деревянных и стеклянных бусин⁴⁰. В сказании не объясняется, что это за бусины, зачем они нужны. К сожалению, нам не удалось записать легенды, имеющие отношение к бунунским верованиям, связанным с бусинами. Однако на основании объяснений господина Сюй Мэйчжи относительно пайванских легенд, связанных со стеклянными бусинами, эти бусины играют большую роль в жизни аборигенов Тайваня – они, например, защищают, а также приносят счастье; есть и представление о божестве бусин. У пайванов тоже есть истории об этих бусинках и солнце, в которых говорится, что бусинки – слезы солнца, *росонагатон*⁴¹. Это представление близко к мифу бунунов, где раненое солнце дарит деревянные или стеклянные бусины; в другом случае в бусины превращаются испражнения луны (первоначально – раненого солнца).

Бусины, которые дарит солнце в вышеприведенном рассказе, очень похожи на волшебный предмет в сказках. Например, в ханьских народных сказках герою дарят чудесную тыкву, которая его кормит, – это одна из особенностей подобных сказок. В других мифах и в архаических сказках бунунов никакие волшебные предметы не упоминаются, поскольку представления о чудесных драгоценностях у бунунов еще не вполне сформировались. Конечно, в мифах бунунской общины, ранее записанных японцами, говорится: «Подаренные солнцем бусины – драгоценности, которые редко встретишь на земле, все люди вешают их на грудь, так и появились ожерелья»⁴². В первом мифе солнце дарит герою бусины, потому что ему далеко возвращаться домой, нужна пища, чтобы восстановить силы, однако в этом мифе нет представления о том, что бусины могут использоваться как деньги или быть обменяны на пищу. Вторая версия, вероятно, относится к более ранней стадии, поскольку ожерелья – это древнее украшение, а этиологизм – это главная особенность мифов. Возможно, солнце подарило людям бусины, потому что хотело помочь им в дороге найти пропитание,

⁴⁰ Там же. С. 5.

⁴¹ См.: Сюй Мэй-чжи. Гулоуцунь пайвань цзу люличжю дэ чуаньшо юй синьян [Предания и верования народа пайвань о бусинах] // Сы юй янь. 1985. № 23. Вып. 2. С. 122–127; Сюй Мэй-чжи. Пайвань цзу дэ люличжю [Бусины народа пайвань]. Тайбэй: Даосян чубаньшэ, 1992. С. 79.

⁴² *Саяма Юкити, Описи Ёсихиса*. Сэйбан дэнсэцу сю [Собрание преданий аборигенов Тайваня]. С. 434.

и эта особенность показывает, как миф развивается по направлению к сказке.

Представляет интерес и то, что у нанайцев, живущих в Примурье и не имеющих непосредственной связи с аборигенами Тайваня, так же как и в мифах бунунов, есть такой вариант мифа о стрельбе в солнце: одновременно появившиеся три солнца сжигают ребенка, которого родили супруги, отец ребенка испытывает необычайную печаль и приносит клятву отомстить солнцу⁴³. Отличие мифа нанайцев заключается в том, что он относится ко времени создания неба и земли, это классическая мифологическая эпоха.

Подобные истории о поражении солнца с целью отмщения за близких, насколько мне известно, встречаются и в мифах дусунов индонезийского Калимантана, но в сюжете есть отличия. Содержание мифа таково: солнце поразило в живот беременную женщину, женщина заболела, ее муж пришел в ярость и отправился отомстить. Он сделал семь духовых трубок (сарбаканов – оружие, используемое многими первобытными народами), сбил стрелами шесть солнц, а одно оставил [Ho Ting-juí 1971, p. 220]. Хотя в этой истории и сохранен подвиг мифологического героя, история отличается от мифа, поскольку солнца сбивают не потому, что они принесли вред людям, а потому что мстят за родного человека.

В очень многих мифах такой же поступок имеет противоположный результат: кто-нибудь хочет отомстить солнцу, и сюда присоединяется еще один особенный мотив мести солнца, как в мифах шуйцзу: герой по имени А-лао идет стрелять в солнце, но в конце концов солнце его сжигает. Даже его жену и ребенка, находящихся в пещере, солнечный жар превращает в человекоподобные камни⁴⁴.

4.

Мифы, о которых мы говорили выше, могли развиваться в сказки, а также стать материалом для народного эпоса. Например, в эпосе народов дун и мяо есть сюжеты стрельбы в солнце, у мяо стрельбе в солнце посвящено более ста семидесяти строчек, у дун – более двухсот⁴⁵.

⁴³ См.: Чжунго гэ миньцзу цзунцзяо юй шэньхуа да цыдянь [Большой словарь религии и мифологии народов Китая]. С. 311.

⁴⁴ Там же. С. 555.

⁴⁵ См.: *Тао Ян, Моу Чжун-сю*. Чжунго чуанши шэньхуа [Китайские мифы о сотворении мира]. Тайбэй: Дунхуа шуцзюй, 1990. С. 220–221.

У народа бунун, как и у других аборигенов Тайваня, одной из особенностей мифов о покорении солнца является то, что солнце персонифицируется: по словам рассказчика народа тайя, у солнца есть жизнь, значит, есть кровь [Ли И-юань 1982, с. 344]. Это особенность именно мифов тайя: солнце сбивают, оно истекает кровью, обрызгивает стрелявшего старца, обжигающая жидкость проникает до самых его костей, и он умирает. Я записал вариант подобного мифа в волости Хэпин; в мифах бунунов говорилось только о стрельбе в солнце и о попадании в его правый глаз, в мифах же тайя кровь солнца играет важную роль. Кроме упомянутых сказаний, есть и другие. Например, в мифах тайя, опубликованных японским профессором Саяма Юкити (1917), две стрелы пронзают центр солнца, мгновенно алая кровь, залокотав, изливается – один человек, сбитый этой кровью, падает в море и тонет [Тайвань шаньбао... 1994, с. 77]. В мифе тайя, опубликованном Фудзисаки Сэйносукэ (1930 г.), говорится: «После того как солнце было сбито, кровь из него убила одного человека» [Тайвань шаньбао... 1994, с. 77]; значение то же самое – стрелок гибнет от «крови солнца». Подобная ситуация отдельно не встречается в мифах о стрелке по солнцу других народов, ее можно рассматривать как один из вариантов «посмертной мести» солнца.

В мифах народа сэдэк, близкого тайя, нет мотива мести солнца. В мифе, который упомянутый выше священник Сюй Тун-и (тароко) слышал от своего отца, говорится: сгусток крови солнца со звуком «пак» превратился в луну, маленькие кусочки крови полетели вверх и превратились в звезды, а некоторые упали на землю и стали камнями (вероятно, красными. – *Б. Р.*), поэтому луна, звезды и камни на земле – это кровь солнца. Отсюда следует, что рассказчик прибегает к древним мифам, чтобы объяснить происхождение Вселенной, т. е. усиливает главную функцию мифов – толкование, этиологию явления или предмета. В других мифах аборигенов Тайваня на тот же сюжет из солнца может течь кровь. Неясно, имеет ли это отношение к антропоморфизации солнца – в мифах, записанных японцами, кровь солнца является не человеческой кровью, а кровью трехногого белого ворона [Тайвань шаньбао... 1994, с. 60]. Однако у аборигенов Тайваня, похоже, нет представления о солнце-птице, только в мифах бунунов у солнца куриные ноги. Бунуны считают, что у солнца есть глаза – стрелок попадает в правый глаз, потому что свет этого глаза более сильный. У бунунов существует представление, что более важна правая сторона, а не левая.

В мифах остальных аборигенов Тайваня нет упоминаний о поврежденном глазе солнца, но о нем говорится в мифах панпанго с филиппинского острова Лусон. Творец Батхала создал землю, появились два его ребенка, мальчик и девочка, сияние их

глаз освещало землю. Однажды они затеяли драку бамбуковыми палками, брат неосторожно поранил глаз сестры, поэтому сияние ее глаз стало очень слабым⁴⁶.

Профессор Е Шу-сянь приводит «Историю о солнце и луне» народа бунун⁴⁷, где говорится, что солнце и луна – родные братья [Е Шу-сянь 1991, с. 80]. В мифах бунунов, ранее собранных японскими исследователями, как и в моих записях, не говорится о том, что солнце и луна – братья, поэтому надежность материала и анализ профессора Е сомнительны (он считает, что существует связь между мифом бунунов о стрельбе в солнце и мотивом двух родных братьев, когда старший – воплощенное зло, а младший – всеобщий любимец); у бунунов нет никакой истории о двух братьях, поэтому данное объяснение, видимо, не соответствует истине.

Представления о солнце, нашедшие отражение в мифе с острова Лусон, о котором говорилось выше, близки тем, что встречаются в мифе бунунов. Многие народы считали, что солнце и луна являются братом и сестрой или супругами, но не встречалось описаний того, что у них есть человеческие органы, плоть и кровь, как у людей. Судя по материалам, которыми мы располагаем, возможно, только в мифах бунунов солнце полностью персонифицировано: у него есть глаза, руки (с очень грубыми пальцами) и ноги (выглядящие как куриные лапы). Согласно варианту, записанному бунуном Линь Шэнь-сянем и, возможно, отражающему достаточно позднее представление, у солнца есть ноги, подобные корням дерева, а также тестикулы, и оно способно к дефекации⁴⁸. В историях про борьбу с солнцем у бунунов упоминаются только глаза, кровь, руки, тестикулы. Подобные представления встречаются и у пайванов, но, кажется, они не столь подробны. В мифах племенного союза Тона народа пайван говорится о человекоподобных существах, которые превращаются в солнце⁴⁹. Так как у бунунов и других аборигенов Тайвана раненое солнце становится луной, можно говорить о том, что антропоморфные характеристики солнца распространяются и на луну. Например, в мифах, записанных нами, луна может присесть на корточки, у нее есть тестикулы, она может испражняться, а также способна говорить.

⁴⁶ См.: *Fansler D.S.* Filipino popular tales. Hatboro, PA: Folklore Associates, 1965. P. 406.

⁴⁷ Из книги: Чжунго шаошу миньцзу шэньхуа чуаньшо сюань [Избранные мифы и предания малых народов Китая]. Чэнду: Сычуань миньцзу чубаньшэ, 1985.

⁴⁸ Со слов господина Линь Шэнь-сяня (1993 г.).

⁴⁹ См.: *Саяма Юкити, Ониси Ёсихиса.* Сэйбан дэнсэцу сю [Собрание преданий аборигенов Тайваня]. С. 440.

5.

Еще одна особенность мифов о покорении солнца у аборигенов Тайваня заключается в том, что путь, который ведет к солнцу, описан очень подробно, причем путь этот чрезвычайно долог. Выше мы говорили, что в некоторых мифах, например, у сравнительно архаического народа гэлао, а также у тайваньского племени пуюма (бинань) герой, чтобы уничтожить солнце, поднимается на небо по травяной лестнице. В мифах каман мишми с северо-востока Индии не сказано, что восемь человек поднялись на небо, чтобы уничтожить солнце, там говорится лишь о том, что только один человек вернулся на землю [Но Ting-juí 1971, p. 218], – значит, он наверняка спустился с неба. Такое представление не является очень ранним, поскольку, согласно древним верованиям, земля и небо были едины, а если и разделены, то расстояние между ними было небольшим. Подобное представление сохранилось у многих народов Тайваня, а в материковом Китае – в провинции Юньнань у народа ва, относящегося к австроазиатской языковой семье; данные мифологические воззрения существуют также у багобо с филиппинского острова Минданао, у тагалогов с островов Лусон и Миндоро⁵⁰. Мотив «подняться на небо с помощью лестницы» отсутствует у тех народов, которые считали, что небо расположено очень низко, но у них было описание долгого пути (возможно, к тому месту, откуда солнце поднималось и где до него можно дострелить). В мифе тайваньских тайя, например, чтобы сбить солнце, следовало «прийти к месту, где солнце поднимается» (согласно двум мифам, которые я записал в 1995 г. в уезде Тайчжун, волость Хэпин). У других народов, например у сибирских нанайцев в мифе «Три солнца», говорится: «Герой взял лук и стрелы, дождался, пока три солнца опустятся, и побежал сбить солнца. Одолея девять холмов, переплыл девять рек, прошел сквозь густой лес, пересек долину; его обувь истрепалась, одежда разорвалась, все тело покрылось ранами, по коже струилась кровь, но он бежал, не останавливаясь на отдых и сон, и так без передышки перед рассветом добежал до того места, где поднимались три солнца»⁵¹.

В мифах многих народов герой, который стреляет в солнце, поднимается на высокую гору или влезает на очень высокое дерево. Например, первопредок буи Ли-га поднялся на вершину

⁵⁰ См.: Сказки и мифы народов Филиппин / Сост. Р.Л. Рыбкин. М.: Наука, 1975. С. 31, 260.

⁵¹ Нанайский фольклор: нингман, сиохор, тэлунгу / Сост. Н.Б. Киле. Новосибирск: Наука, 1996. С. 399. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 11)

горы, влез на тутовое дерево, которое макушкой упиралось в небо, и выстрелил в солнце; можно предположить, что эта высокая гора была мифологической «мировой горой», а дерево, упирающееся в небо, было «мировым деревом».

В мифах бунунов сказано только, что отправляющийся к солнцу человек, покидая дом, сажает мандариновое дерево. В варианте записанного мною мифа объясняется: человек перед уходом посадил мандариновое дерево, а когда вернулся, «мандариновое дерево было уже высоким»; иногда говорится, что оно «уже плодоносило». Это свидетельствует о том, что прошло достаточно много времени. Плодоносящее дерево как символ длительности времени и пройденного большого расстояния имеется и в мифах о стрельбе в солнце, записанных японцами, и в собранных нами трех мифах о борьбе с солнцем. Однако и в мифах других аборигенов Тайваня есть подобные «дополнительные мотивы» (термин Линь Хэн-ли), например, в мифах народов рукай, тайя, сэдэк, сайся говорится о дереве, посаженном накануне выхода в путь. Чаще всего это мандариновое дерево, иногда – дерево помело, только у сайся – мандариновое дерево или бамбук.

Второй способ описать длину дороги к солнцу – это рассказать, что герой по пути стареет или умирает. Например, в легендах, о которых говорилось выше, задача по уничтожению солнца могла быть выполнена только тогда, когда выросли дети, которых берет с собой вторая группа людей. В бунунских мифах, собранных японцами, говорится: прошли десятки лет, пока добрались до места, где стреляли по солнцу⁵². В мифах бунунов о борьбе с солнцем подчеркивается: дорога столь длинна, что дойти до места и сбить солнце можно только тогда, когда вырастут дети, взятые с собой второй группой. Поэтому у народа бунун старший мальчик в семье ассоциируется с ребенком, стрелявшим в солнце – когда в семье дети ссорятся, родители могут сказать: «Нельзя перечить старшему брату, потому что он раньше увидел солнце» (*Katuansasais maismasituhan-iaupa saigaus vadi*).

У тайя описание долгого пути более подробное, стрелок по солнцу возвращается домой и видит, что ветви деревьев у дороги разрослись, плодов много, а люди из общины не узнают его. Они говорят: «Мы слыхали о произошедшем за три поколения до нас, оказывается, это ты – тот самый герой!»⁵³. Вернувшийся принадлежит прошлым поколениям, он не находит тех, кого знал, – этот мотив основан на поверье, что «время у людей течет не так, как

⁵² См.: *Саяма Юкити, Ониси Ёсихиса*. Сэйбан дэнсэцу сю [Собрание преданий аборигенов Тайваня]. С. 199, 208, 356.

⁵³ Там же. С. 423.

в ином мире». Обычно считается, что среди людей время проходит быстро, а в другом мире – медленно. Уже в прозе эпохи Шести династий существовало представление, что три года в мире теней – это тридцать лет в мире людей [Цзинь Жун-хуа 1984, с. 66]; так, два охотника, вернувшись домой, обнаруживают, что за время их отсутствия сменилось несколько поколений. Согласно указателю Ст. Томпсона (F377; D2011)⁵⁴, у многих народов Востока и Запада (индусов, японцев, северных и южных коряков, эскимосов, литовцев, англичан и других) есть представления о несопадающем течении времени в двух мирах. Они не являются особенно древними, образы иного мира появляются только в мифах с достаточно разработанными сюжетами. Соответственно, путешествие к солнцу подобно путешествию в иной мир. В мифах бунунов не говорится, что для уничтожения солнца надо идти в какое-то особо обозначенное место, но у некоторых народов герой стреляет в него с высокой горы или взобравшись на дерево, а значит, перед этим он совершает путь наверх. Наконец, в третьем мифе о борьбе с солнцем, записанном нами у бунунов и других аборигенов Тайваня, подробно описывается обратный путь стрелка по солнцу. Это особенность именно данного варианта, в целом она встречается достаточно редко.

В мифах бунунов и других аборигенов Тайваня после того, как бывает сбито солнце, на земле наступает темнота; этот мотив есть у многих народов материкового Китая, например мяо, чжуан, яо, цзинпо, а также у вьетнамских чамов. Разбудить солнце обычно просят петуха, но иногда речь идет о других животных (Ст. Томпсон, мотив В755 – солнце появляется по крику животного⁵⁵). У бунунов солнце пробуждается от крика оленя-мунтжака (третий вариант в нашей записи), но в других вариантах, например в материалах Линь Шэн-сяня, собранных в Гаосюне, есть небольшое отличие: солнце дарит бунуну белых петуха и курицу и сообщает, что сразу проснется от крика петуха. Старики говорят, что плащ, который носят бунуны (хабань), и петух, которого подарило солнце, – это символы заключенного тогда союза, а раньше, когда бунуны еще не приносили в жертву свиней, жертвенными животными были петухи, что подтверждает связь петуха с солнцем. Кроме того, у бунунов первый предрассветный час зовется «первый крик петуха», второй – «второй крик», и так до четырех, каждый час имеет свое особое название [Цю Ци-цянь 1966, с. 41]. Отсюда видно, что у бунунов, как и у многих других народов, существуют представления о том, что крик петуха пробуждает солнце.

⁵⁴ См.: *Thompson S. Motif-index of folk-literature.*

⁵⁵ Там же. У Томпсона приводятся только африканские мифы.

6.

Иногда древние мифы впитывают относительно новые элементы, достаточно поздно сформировавшиеся, заимствованные из мировых религий. Например, у бунунов или тайя мы видим сюжеты, заимствованные из Библии; вьетнамские чамы – мусульмане, поэтому в их мифе после того, как Номайсбайтядонг стреляет в двенадцать солнц и в мире наступает темнота, появляется Аулоаху (Аллах), и в мире становится светло.

Еще одной особенностью бунунских мифов о борьбе с солнцем следует назвать их связь с обрядами. Каждый месяц (кроме девятого) бунуны совершают жертвоприношения. Это происходит в полнолуние, новолуние, когда нет луны или при ущербной луне, но большая часть таких обрядов связана с сельским хозяйством, поэтому соответствующие мифологические представления следует считать достаточно поздними. Только обряд «стрельбы в ухо» в четвертом или седьмом месяце связан с охотой, а это определено достаточно ранняя церемония. Все мальчики младше шести-семи лет должны участвовать в «стрельбе в ухо» оленя или другого животного, чтобы, возмужав, стать искусными стрелками [Дасиулавань Бима 1992, с. 69]; однако этот обряд не имеет отношения к стрельбе в солнце. Согласно мифу, когда подстрелили солнце, которое превратилось в луну, оно научило людей совершать первые жертвоприношения, что, видимо соотносится со сменой фаз луны.

Самые древние мифы обычно связаны с творческой деятельностью демиурга или предков, о ее объектах (горах, реках, озерах) говорится как о результатах целенаправленного созидания или случайного появления там, где эти персонажи проходили. Ранние воззрения основаны на том, что тело творца превращается в горы, реки (миф о Паньгу), более поздние трактовки связаны с жизнью святых (например, некоторые особенности рельефа острова Пэнхудао объясняются деятельностью святого Люй Дун-биня. В мифах бунунов о стрельбе в солнце так описывается появление тайваньского водоема Жиюэтань (солнца и луны): «превратившись в Луну, солнце село, и его тестикулы, соприкоснувшись с землей, образовали в ней две большие впадины; они и стали Водоемом солнца и луны». Фактически название «Водоем солнца и луны» не является очень древним, в языке бунунов его название (*Niikitang*), видимо, есть калька с китайского, и, соответственно, подобное объяснение появилось относительно поздно. Бунуны считают еще, что на земле есть отпечатки ступней и коленей солнца, – объясняется это тем, что у бунунов и ханьцев позы поклонения различаются (бунуны, кланяясь, левой ступней стоят на

земле, и одновременно касаются земли правым коленом и правым носком). В другом варианте мифа о покорении солнца говорится о том, что источник назывался «источник оленя-мунтжака» (*sinsuad sakut*), что тоже, возможно, связано с мифами о стрельбе в солнце.

Основной отличительный признак мифов тайя и других аборигенов Тайваня заключается в том, что главным является предствление о *gaga*⁵⁶, о наказаниях и нормах, связанных с ним. Об этих наказаниях и нормах, об этических проблемах говорится и в мифах – миф тайя о стрельбе в солнце не является исключением. Есть еще одна особенность: благодарность общества герою, сбивающему солнце (или юноше, идущему вместе с ним, т. е. ребенку, в пути превращающемуся в юношу). В мифах, собранных японцами, есть только одна фраза: «общество поблагодарило героя, сбившего солнце» или «за это люди стали уважать их». Таких концовок в мифах других народов не встречается. В мифах, записанных мною в 1995 г. в волости Хэпин уезда Тайчжун, подробно рассказывается, как отблагодарили героя: ему отдали в жены красивую молодую девушку. Отдельно было объяснено: когда отряд борцов с солнцем уходил, старец договорился с соплеменниками, чтобы по возвращении его внука за него отдали девушку и его род продолжился бы. В мифах, собранных в 1998 г. у народа сэдэк, есть описание того, как соплеменники отблагодарили стрелка по солнцу: они зарезали свинью, чтобы отметить его победоносное возвращение. У народов тайя и сэдэк языки близки, говорят, что язык сэдэк – ветвь языка тайя, и нет ничего удивительного, что сюжеты этих мифов совпадают. Почему же в мифах материкового Китая и других народов Тайваня о стрелке по солнцу нет подобной концовки? Возможно, этот мотив связан с понятием *gaga* народа тайя.

Мифы об уничтожении лишних солнц, несомненно, могли трансформироваться в достаточно специфичные мифологические рассказы. Например, в мифе сравнительно архаического народа лоба тибето-бирманской языковой группы, проживающего на юге Тибета, говорится о двух братьях-солнцах: младший брат был очень сильным, жар его лучей опалил всю землю, и люди не могли вынести этого жара, но в мифе нет мотива стрельбы в солнце для спасения от засухи. Анья (божество племени иду народа лоба, уступающее в могуществе только верховному божеству Эньнидая) посоветовалось с другими богами, и было принято решение, что одно из божеств отправится к солнцу с дарами (жертвами, которые приносили солнцу, например свиньями, курами, другими птицами) и скажет, что оно светит слишком ярко. Когда старший

⁵⁶ Точный объем этого понятия выяснить не удалось. – *Примеч. ред.*

брат-солнце, узнал, что его младший брат принес людям засуху, он, рассердившись, забросил брата в водоем, и тот превратился в луну. Этот миф племени иду очень специфичен; к солнцу направляют не человека и не животное (в мифах туцзя на небо поднимается жаба и проглатывает солнце), а некое божество. Здесь полностью отсутствует мотив стрельбы в солнце, лишнее солнце уничтожает его брат, но мотив превращения второго солнца в луну – достаточно частый, он встречается, например, в мифах бунунов.

Однако, помимо этого специфического сюжета, у лоба есть и предания о стрельбе в солнце, похожие на мифы других народов. Например, земля и небо женятся, у них рождаются девять солнц. Семь братьев живут там, где небо сходится с землей, и никто не видит их, другие же два брата живут в объятиях отца-неба. Один из них сжигает своим жаром ребенка своего единоутробного брата Цюнцзюдиу, за что поражен им стрелой в глаз и больше не может испускать свет⁵⁷. Этот вариант подобен мифу бунунов (там также после гибели ребенка его отец из мести стреляет в глаз солнцу, и оно больше не может светить). Это сходство объясняется не контактом двух народов, а закономерным развитием одного и того же сюжета, только в мифе лоба события относятся к мифической эпохе сотворения мира, поскольку сожженный ребенок – единоутробный брат солнца, а в мифах бунунов главный герой – обычный человек, какими бывают герои сказок. В мифе племени иду говорится о жертвоприношениях солнцу, а это напоминает встречающееся в мифах бунунов упоминание о том, что солнце обучает людей неким церемониям.

7.

В фольклоре мотивы могут иметь форму классическую, ослабленную и усиленную. Мифы о стрельбе в солнце тоже могут принимать ослабленную форму, превращаясь в сказку. Например, у народа хуэй (Ганьсу) есть сказка «Ответы солнца». Вот ее сюжет: у одного парня давно умер отец, мать вышла второй раз замуж, он остался с дедом и очень о нем заботился. Однажды он вместо деда пошел продавать груши и, вернувшись, увидел, что деда сожгло солнце (это напоминает сюжет бунунских мифов, где погибает ребенок). Парень опечалился и решил пойти туда, где садится солнце, но его целью было не вступить в борьбу с солнцем (сбить его стрелой из лука), а поговорить с матерью солнца (мотив полностью ослаблен). Путь к солнцу был долог, но парень сказал: «Даже

⁵⁷ См.: Чжунго гэ миньцзу цзунцзя юй шэньхуа да цыдянь [Большой словарь религии и мифологии народов Китая]. С. 390.

если придется пройти сто лет, я этого не боюсь». В мифологических сказаниях часто на помощь приходит божество либо какой-нибудь персонаж помогает быстрее достичь цели с помощью волшебного предмета. Так происходит и в этой истории: появляется баран с длинной шерстью (чудесный помощник), который предлагает герою отнести его к солнцу, и парень мгновенно оказывается на высокой горе у берега моря, где находится дворец солнца (она соответствует горе, с которой в древних мифах стреляют в солнце). Парень жалуется матери солнца, что солнце сожгло его деда; та соглашается, что ее сын совершил преступление, и говорит, что образумит его. Самое удивительное происходит далее, когда солнце возвращается домой: оно объясняет, что дед парня не умер, а только упал в обморок, надо смочить ему лоб свежей водой, и он очнется (мотив предельно ослаблен)⁵⁸.

Как уже было сказано, в фольклоре часто встречаются сходные темы или мотивы, но иногда они бывают и абсолютно противоположными друг другу. История о посещении солнца есть не только у хуэй, но и у народа чжуан. Однако у чжуанов люди идут к солнцу не потому, что оно светит столь безжалостно, а, наоборот, потому, что его лучи не достигают тех мест, где живут чжуаны, поэтому цель похода – упросить солнце освещать их земли; это напоминает мифы многих других народов. В этом рассказе подробно описано, что путь к солнцу был долгим, поскольку солнце жило далеко от людей; поклониться солнцу отправилась беременная женщина лет двадцати. В пути она была семьдесят лет, устала и велела сыну, родившемуся в пути и уже выросшему, продолжать идти. Так как запись истории не является полной, остается неизвестным, как ее сын дошел до солнца⁵⁹.

В устной литературе бунунов мы видим раннюю мифологическую форму этого сюжета, а также наблюдаем форму, в которой только начался переход от мифа к сказке. В народных историях хуэй из Ганьсу мы обнаружили самую позднюю и полностью ослабленную форму этого сюжета, которая объединяется с пространственным мотивом «люди идут искать солнце, чтобы задать ему вопросы» (Ст. Томпсон, H1284⁶⁰). Парень не только узнает, что случилось с его дедом, но и получает ответы на вопросы, которые ему задавали встреченные по дороге люди. «Солнце отвечает

⁵⁸ См.: Ганьсу миныйцзянь гуши сюань [Избранные народные сказки Ганьсу]. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 1962. С. 190–195.

⁵⁹ См.: Малэй дай цзы фан тайян. Чжуан цзу миныйцзянь чуаньшо [Малэй с сыном идет к солнцу. Предание народа чжуан] // Миныйцзянь ваньсюэ [Народная литература]. 1958. № 2. С. 26–28.

⁶⁰ См.: *Thompson S. Motif-index of folk-literature...*

на вопросы» – еще один распространенный сказочный мотив (Ст. Томпсон, D1311.6.3⁶¹).

Мифы об уничтожении лишнего солнца могут трансформироваться в специфические поздние истории. Например, в сказке «Жадный волк гонится за солнцем», записанной в уезде Нунъань провинции Цзилинь, отсутствует мотив нескольких солнц, остается лишь фраза «солнце паляще жгло». Жадный волк не выдерживает жары, со злости бросается в небесный дворец, разевает огромную, как блюдо, пасть, чтобы сразу проглотить солнце. Однако, в отличие от древних мифов, волк не может поймать солнце, которое обжигает его так, что у него начинает кружиться голова, он падает и умирает⁶². В мифах, сохранивших архаическую форму, например у туцзя, зеленая жаба поднимается на небо и проглатывает солнце, в поздних ханьских сказках жадный волк не глотает солнце, а падает мертвым. Идеология меняется: попытки уничтожить солнце оказываются безнадежными, животное, которое хочет уничтожить солнце, должно погибнуть.

Выше говорилось, что у некоторых малых народов Китая, например у мяо или дун, мифы о стрельбе в солнце трансформировались в эпические сказания, тогда как у народа бунун этого не произошло. Однако у тайваньских цоу в мифах о стрельбе в солнце можно видеть зародыши эпоса. В записанном японскими исследователями варианте мифа канаканаву, относящихся к народу цоу⁶³, говорится о том, как молодая девушка ловила рыбу и выловила деревяшку. Когда она вернулась домой, деревяшка исчезла у нее из-за пояса. Девушка же забеременела и родила необычного мальчика, которого назвала Напаарама. С детства он рос очень смышленным и сильным, в пять-шесть лет мог натянуть лук и подстрелить птицу, причем бил без промаха. В этой истории присутствует рождение чудесного персонажа, напоминающее мотив чудесного зачатия, который встречается в первобытных мифах (см. также у Ст. Томпсона A511⁶⁴ и т. д. – необычное рождение культурного героя). В целом детство героя здесь полностью соответствует классическим для мирового эпоса образцам [Жирмунский 1962, с. 12]. Подобный мотив есть и в мифах юньнаньских ицзу о стрелке в солнце Чжигэалуне. В них трехлетний герой уходит из дома,

⁶¹ Там же.

⁶² См.: Чжунго миньцзянь гуши цзичэн. Цзилинь цзюань [Полное собрание народных сказок Китая. Гири (Цзилинь)]. Пекин: Чжунго вэньлянь чубань гунсы, 1992. С. 8.

⁶³ См.: *Саяма Юкити, Ониси Ёсихиса*. Сэйбан дэнсэцу сю [Собрание преданий аборигенов Тайваня]. С. 437–439.

⁶⁴ См.: *Thompson S.* Motif-index of folk-literature...

чтобы обучиться воинскому искусству, в четыре года он уже скачет на лошади и т. д.

Эпический характер описания детства героя лучше всего виден в мифе о стрельбе в солнце у нанайцев уезда Тунцзян на Амуре: в шестнадцать лет герой обладает мощным телосложением и незаурядной силой: если поднатужится, может сдвинуть гору, если пьет, способен выпить реку, а если топнет ногой – образуется озеро⁶⁵. О необычной силе героя в детстве здесь не сказано, но этот мотив часто встречается в мировом эпосе. В детстве герой отличается от своих сверстников, а когда он с ними дерется или меряется силой, то всегда одерживает победу. В истории про Напаараму, однако, нет речи о том, что он состязался со своими сверстниками, данный мотив представлен в слабо выраженной форме: матери просят сыновей принести воды, но они отказываются, и только Напаарама выполняет просьбу. Еще один образец эпического описания детства героя – он растет в лесу, будучи сиротой. Подобный сюжет есть в мифе о стрелке Хоу И («Ко ди ту», этот текст приведен в 350 цзюане «Тайпин юй лань»): «Хоу И в пять лет вместе с отцом и матерью пошел в горы. Мать посадила его под дерево. Когда закричали цикады, она вернулась и хотела было взять его, но стая цикад застрекотала, и тогда она бросила его и ушла. И рос в горах»⁶⁶. Поскольку история Напаарамы у цюу не сложившийся эпос, а лишь миф, развивающийся в этом направлении, она одновременно вбирает в себя и мотивы народной сказки. Например, прежде чем отправиться стрелять по солнцам, Напаарама наполняет водой сосуд и говорит матери: если мне суждено вернуться, вода в сосуде перельется через край, даже если ее не трогать; а если я умру, вода не выплеснется, сколько ни трясти сосуд. В европейских народных сказках часто встречается подобный мотив, вполне возможно, он связан с двумя функциями воды в первобытных представлениях: в подземном царстве есть две воды, одна может оживить мертвого, а вторая, наоборот, – убить живого [Пропш 1946, с. 179–181]. После того как Напаарама умер, он обернулся птицей и улетел на небо.

В мифе цюу, записанном Н.А. Невским в 1927 г. в горах Алишань (село Тапангы), героя, стрелявшего в луну, звали Оадзымы; после смерти он превратился в птицу [Невский 1935, с. 64, 67]. На эту деталь тоже стоит обратить внимание. В древних мифах герой после смерти иногда принимает облик тотема (хотя может превра-

⁶⁵ См.: *Тао Ян, Мой Чжун-сю*. Чжунго шэньхуа [Мифы Китая]. С. 408.

⁶⁶ Тайпин юйлань [Высочайше просмотренная <энциклопедия годов> Тайпин] / Сост. Ли Фан и др. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2000. Т. 2. С. 1612.

тяться и в нечто иное). Однако у цоу, по всей видимости, не было птичьего тотема. В то же время стоит вспомнить, что в мифах сахалинских нивхов в солнце стреляет птица. Кроме того, в иероглифе «И» (羿), который входит в имя «Хоу И», присутствует ключ «перья» (羽); согласно словарю «Шо вэнь», «И (羿) – это ветер, поднимающийся от перьев»⁶⁷. Поэтому возможно, что существовало представление о Хоу И как о птице. Весьма вероятно, что в мифах некоторых народов герои, стреляющие в солнце, связаны с птицами.

Невский тоже записал историю о девочке, родившей сына после того, как она выловила из воды деревяшку, но у него это другая история, не имеющая отношения к стрельбе в солнце и луну. Недавно профессор Пу Чжун-чэн, специалист по народу цоу, записывая мифы цоу, обнаружил только версию о стрельбе в луну: луна и солнце светили очень жарко, причем луна была еще и жарче, а стрелял в солнце, видимо, колдун (*ифу*). В мифах о стрельбе в солнце и луну, записанных Невским и Пу Чжун-чэном, отсутствует эпическая составляющая. И хотя эти мифы начали развиваться по направлению к эпосу, собственно эпических произведений у цоу так и не появилось. В сюжете мифа о стрельбе в солнце содержатся зачатки эпоса, и профессор Е Шу-сянь специально рассматривает этот вопрос [Е Шу-сянь 1991, с. 80].

Анализируя мифы о стрельбе в солнце, следует обратить внимание и на то, что в некоторых вариантах стреляют не в солнце, а в луну. Выше был упомянут герой из мифов цоу, стрелявший в луну. В 1998 г. мне случилось интервьюировать одного тароко (народ сэдэк), живущего в уезде Наньтоу. Рассказывая миф о стрельбе в луну, он специально подчеркнул, что стреляли не в солнце. Восемьдесят лет назад миф о стрельбе в луну японские ученые записали у народа тайя, близкого к сэдэкам (предполагают даже, что это один народ)⁶⁸. У айнов в Японии тоже есть миф о стрельбе в луну: в древние времена вдруг появились две луны, люди бежали в страхе, и первопредок Ойнакамуи подстрелил одну луну из маленького серебряного лука [Ямада Хитоси 1997, с. 71–72]. В мифах многих народов говорится о нескольких солнцах и нескольких лунах. Еще Менхен-Хельфен высказал предположение, что миф о стрельбе в луну мог сложиться раньше, чем

⁶⁷ Хань юй да цзыдянь [Большой словарь иероглифов китайского языка]. Ухань: Хубэй цышу чубаньшэ, Сычуань цышу чубаньшэ, 1988. Т. 5. С. 3342.

⁶⁸ См.: *Саяма Юкити, Ониси Ёсихиса*. Сэйбан дэнсэцу сю [Собрание преданий аборигенов Тайваня]. С. 518–520.

миф о стрельбе в солнце; кроме того, он считал, что образ богини луны Чанси в Древнем Китае сформировался раньше, чем образ Сихэ, матери солнц [München-Helfen 1937, S. 80]. Некоторые ученые предполагают, что лунарные мифы были распространены с палеолита⁶⁹. Тем не менее пока мы не можем утверждать, были или не были мифы о стрельбе в луну самыми ранними – для этого нужны дальнейшие исследования; тогда впоследствии, с увеличением роли солнца, мифы о стрельбе в солнце могли заменить мифы о стрельбе в луну, и в таком случае тайваньские цоу сохранили эту самую древнюю форму.

Вполне возможно, что мифы о стрельбе в солнце (или борьбе с солнцем) связаны с некоторыми древними верованиями и обычаями. В этом отношении заслуживает внимания, что в Восточной Азии у некоторых народов в непогоду, например во время грозы или вьюги, в небо (через тучи) бросают волшебные предметы. Так, в прошлом у тибетцев Цинхая, когда шел ливень или сильный снег, шаман (колдун) прекращал это явление, бросив в тучу ваджру⁷⁰ или специальные пилюли⁷¹. Самый интересный обычай был обнаружен этнографами на нижнем течении Амура и на Сахалине у тамошних нивхов: если во время промысла поднимался ураган, родные охотника совершали действия, обозначающие *лазанть* («битье ветра») или *ла х'адь* («стрельбу по ветру»), выпуская стрелы или стреляя из ружей против ветра (позднейшее нововведение) [Таксами 1975, с. 76].

Один старый нивх рассказал Е.А. Крейновичу о том, как в старину стреляли в ветер (1927–1928 гг.). Сначала готовили особую стрелу, прикрепив к ее концу трут, и нивх выходил из дома с луком и с этой стрелой; нужно было попасть в середину вихря – иначе ветер не убьешь. Перед выходом непременно поджигали трут. Во время такой охоты другой человек бежал позади, хватая стрелка за одежду и за плечи со словами: «Не стреляй, не убивай!»; стрелок же должен был идти вперед молча, не отвечая. Прицелившись в центр вихря, он выпускал стрелу и после этого обязательно говорил: «Убил» (*ixynd*). Затем он поворачивался и шел домой, ни в коем случае не глядя на то место, в которое выстрелил. Говорили, что, если попасть в ветер, на том месте проступала кровь, поэтому

⁶⁹ См.: Иванов В.В. Лунарные мифы // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 78.

⁷⁰ Одна из буддийских «семи драгоценностей», «палица Индры», культовый предмет, название которого в китайских сутрах передается как фачжэло.

⁷¹ См.: Потанин Г.Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 2. СПб.: [Б. и.], 1893. С. 149.

упавшую стрелу нельзя было трогать⁷². Это очень похоже на описание стрельбы в солнце: для такой стрельбы тоже нужны особые стрелы, подстреленное солнце тоже кровоточит; ветер точно так же подвергается некоторой антропоморфизации.

Конечно, в этом обычае есть и не особенно ясные детали. Например, зачем нужно кричать: «Не стреляй, не убивай»? В современных изложениях мифа о Хоу И встречается похожая подробность: после того как Хоу И подстрелил девять солнц, кто-нибудь кричит: «Не стреляй!», боясь, что он собьет и десятое.

Китайским (ханьским) народным сказкам известен такой сюжетный элемент: встретив вихрь (иногда – желтый ветер), герой бросает в небо коромысло, чтобы таким образом сбить поднявшийся ветер или оборотня, обернувшегося ветром. Зачем бросать коромысло, сказки не объясняют. Вслед за этим с неба падает вышитая туфелька: оборотень похитил девушку, коромысло попало в него и ранило⁷³. Такой необычный поступок, возможно, отражает схожее суеверие или основан на первобытных верованиях, близких к мифу о стрельбе в солнце. Существует предположение, что мифы о лишних солнцах связаны с явлением «ложных солнц» (при котором на небе видно двойное солнце), однако этому нет реальных доказательств. По мнению И.С. Лисевича, второе солнце обозначает, что примерно шесть–восемь тысяч лет назад на небе появилась новая звезда, очень близкая к Земле, и она освещала землю так же, как солнце, возможно – в течение нескольких месяцев. Об этом есть запись в древнеавилонской эпиграфике, а в 1968 г. австралийские астрономы доказали, что она соответствует действительности [Лисевич 1982].

8.

В 1920-е гг. известный немецкий синолог профессор Э. Эркен стал зачинателем сравнительных исследований мифа о стрельбе в солнце. В 1930-е гг. в Германии О. Менхен-Хельфен продолжил его изыскания. В 1960-е гг. профессор Хэ Тин-жуй на основе накопленных к тому времени материалов пришел к следующему выводу: исток мифов о стрельбе в солнце, вполне возможно, находится в Китае, или же для данного сюжета Китай – главный центр;

⁷² См.: Крейнович Е.А. Указ. соч. С. 87.

⁷³ См.: Eberhard W. Typen Chinesischer Volksmärchen. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, Academia Scientiarum Fennica, 1937 (№ 122 – С неба падает вышитая туфелька); Дин Най-тун. Чжунго миныйцзянь гуши лэй-син соинь [Указатель типов китайских народных сказок]. Пекин: Миныйцзянь вэньи чубаньшэ, 1986. С. 59–60, 64 (№ 301 и 301А).

затем уже из этого центра мифы о стрельбе в солнце распространились в другие районы [Ho Ting-jui 1971, p. 44].

Сейчас мы располагаем многими новыми материалами (особенно они обильны для малых народов материкового Китая). На их основании можно предположить: сюжет о победе над солнцем развился из представлений о том, что на небе находилось несколько солнц. Такие представления были и в Европе, и в Африке, но они не распространены повсеместно, и главная область их циркуляции – Тихоокеанский регион, то есть Восточная Азия и Америка. Миф же о стрельбе в лишние солнца существует прежде всего в материковом Китае, на Тайване и Филиппинах, в Монголии, Индонезии и на северо-востоке Индии. Некоторые ученые считают, что образ Хоу И сложился среди «восточных и», которые жили на территории, примерно соответствующей нынешним Шаньдуну, Цзянсу, Чжэцзяну и бассейну Хуайхэ. По языку наиболее близким к ним было население древних царств У и Юэ. В более раннюю эпоху, примерно за три тысячи лет до новой эры, в центральной и южной частях Шаньдунского полуострова и на севере Цзянсу находился ареал распространения древней культуры Давэнькоу. Археологи полагают, что культура Давэнькоу родственна полинезийской, «а аборигены Тайваня генетически близки к протомалайско-полинезийским народам... Истоки современных тихоокеанских (и тайваньских в том числе) народов должны находиться в Восточной Азии»⁷⁴.

Оценивая ситуацию с лингвистической точки зрения, отметим, что многие народы, у которых есть миф о стрельбе в солнце, принадлежат к австроазиатской языковой семье – в их числе и некоторые народы Восточной Индии. Вполне возможно, что первоначально мифы об уничтожении лишнего солнца появились в материковой части Восточной Азии, а после этого разные народы принесли их на Тайвань, на Филиппины, в Индонезию и на некоторые острова Тихого океана. Детальное выяснение того, как именно распространялся миф, – дело будущего. Но этот вопрос, в общем говоря, довольно сложен. Предстоит еще изучить миф о стрельбе в солнце у тунгусо-маньчжурских и монгольских народов. Согласно материалам, которые я видел, миф о стрельбе в солнце наиболее популярен у мяо, но вывод о том, что он появился именно у них, сделать нельзя. Этот мифологический сюжет, вероятно, зародился в глубокой древности, когда современные народы еще не сформировались; мифов о стрельбе

⁷⁴ *Сун Гуан-юй*. Хуанань бяньцзян миныйцу тулу [Иллюстрированное описание народов, живущих в пограничье Южного Китая]. Тайбэй: Чжунъян тушугуань, 1991. С. 19.

в солнце нет к северу от Амура, у большинства тюркских народов Центральной Азии, а также в Тибете, таким образом, обширный ареал распространения этого мифа имеет четкие границы. Еще Менхен-Хельфен писал, что этот миф распространен к западу от Тихого океана (в Азии) и к востоку от него (у некоторых индейцев Калифорнии и Мексики) [München-Helfen 1937, S. 93].

Надеюсь, что исследования в этой области продолжатся и ответ на вопрос о происхождении мифа о стрельбе в солнце будет найден.

Дополнение

Уже после второй вычитки данного текста я познакомился с тезисами доклада молодой нанайской исследовательницы из Владивостока Е. Шаньшиной, посвященными историям о множественности солнц в нанайской мифологии. Согласно ее материалам, нанайские мифы о стрельбе в солнце связаны с шаманизмом, а также с рассказами о легендарном хаосе, важной частью шаманских песен [Шаньшина 1996]; они, вероятно, отличаются от мифов других народов.

Литература

- Дасиулавань Бима 1992 – *Дасиулавань Бима (Тянь Чжэ-и)*. Тайвань бунун цзу дэ шэнмин цзии [Обряды жизненного цикла у народа бунун на Тайване]. Тайбэй: Тайюань чубаньшэ, 1992. 188 с.
- Е Шу-сянь 1991 – *Е Шу-сянь*. Инсюн юй тайян – Чжунго шангу шиши дэ юаньсин чунгоу [Герой и солнце – реконструкция первоначального облика китайского древнейшего эпоса]. Шанхай: Шанхай шэхуэй кэсюэюань чубаньшэ, 1991. 266 с.
- Жирмунский 1962 – *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.: Гослитиздат, 1962. 435 с.
- Ли И-юань 1982 – *Ли И-юань*. Тайвань тучжу миньцзу дэ шэхуэй юй вэньхуа [Общество и культура аборигенов Тайваня]. Тайбэй: Ляньцзин чубаньшэ, 1982. 460 с.
- Линь Хэн-ли 1962 – *Линь Хэн-ли*. Тайвань тучжу миньцзу шэ жи шэньхуа чжи фэньси [Анализ мифов местных народов Тайваня о стрельбе в солнца] // Миньцзусюэ яньцзюсо цзикань [Бюллетень Института этнологии]. 1962. Вып. 13. С. 99–132.
- Лисевич 1982 – *Лисевич И.С.* Субстрат реальности в мифе о стрелке И // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока:

- Тезисы докладов 10-й научной конференции, Ленинград, 1982 / Отв. ред. В.Т. Сухоруков. Ч. 1. М.: Ин-т востоковедения, 1982. С. 146–147.
- Лю Чэн-хуай 1991 – *Лю Чэн-хуай*. Лунь чуан ши шэньхуа [О формировании, развитии и смысле мифов о сотворении мира] // Чжунго миньцзянь вэньхуа – миньцзянь вэньхуа яньцзю [Китайская народная культура – исследования народной культуры]. Вып. 4. Шанхай: Сюэ-линь чубаньшэ, 1991. С. 62–79.
- Мелетинский 1979 – *Мелетинский Е.М.* Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл ворона. М.: Наука, 1979. 229 с.
- Невский 1935 – *Невский Н.А.* Материалы по говорам языка цоу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 133 с.
- Пропп 1946 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1946. 366 с.
- Тайвань шаньбао... 1994 – Тайвань шаньбао гэцзу чуаньтун шэньхуа гуши юй чуаньшо вэньсянь бяньцзуань яньцзю [Исследование корпуса текстов традиционных мифов и преданий горных соотечественников Тайваня] / Под ред. Инь Цзянь-чжун. Тайбэй: Голи Тайвань дасюэ, 1994. 473 с.
- Таксами 1975 – *Таксами Ч.М.* Основные проблемы этнографии и истории нивхов: середина XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1975. 238 с.
- Цзинь Жун-хуа 1984 – *Цзинь Жун-хуа*. Лючао чжигуай сяошо цинцзе даньюань соинь [Указатель мотивов к рассказам о необычайном эпохи Шести династий]. 1-е изд. Тайбэй: Чжунго вэньхуа дасюэ, 1984. 177 с.
- Цю Ци-цянь 1966 – *Цю Ци-цянь*. Бунун цзу ка шэюнь дэ шэхуэй цзучжи [Социальная организация общности такибаха народа бунун]. Наньган: Чжуньян яньцзююань миньцзусюэ яньцзюсо, 1966. 266 с.
- Шаньшина 1996 – *Шаньшина Е.В.* Легенды о множественности светил в нанайской мифологии // Четвертая Дальневосточная конференция молодых историков (Уссурийск, 1–3 февр. 1996 г.). Владивосток: Дальнаука, 1996. С. 44–47.
- Ямада Хитоси 1997 – *Ямада Хитоси*. Тайё-но итэ [Стрелок по солнцам]: Дис. ... магистра. Университет Киото, Киото, 1997.
- Benedek 1991 – *Benedek D.* The songs of the ancestors. A comparative study of Bashic folklore. Taipei: SMC Publishing, 1991. 642 p.
- Egli 1989 – *Egli H.* Mirimiringan. Die Mythen und Märchen der Paiwan. Das frühe Weltbild des Fernen Ostens. Zurich: Die Waage, 1989. 436 S.
- Ho Ting-ju 1971 – *Ho Ting-ju*. A comparative study of myths and legends of Formosan aborigines. Taipei: Orient Cultural Service (Dongfang wenhua shuju), 1971. 388 p.
- München-Helfen 1937 – *München-Helfen O.* Der Schuß auf die Sonnen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1937. Vol. 44. S. 75–95.

References

- Benedek, D. (1991), *The songs of the ancestors. A comparative study of Bashic folklore*, SMC Publishing, Taipei, Taiwan.
- Daxiwulawan, Bima (Tian Zheyi) (1992), *Taiwan bunong zu de shengming jiyi* [Life cycle rites of the Bunun people in Taiwan], Taiyuan chubanshe, Taipei, Taiwan.
- Egli, H. (1989), *Mirimiringan. Die Mythen und Märchen der Paiwan. Das frühe Weltbild des Fernen Ostens*, Die Waage, Zurich, Switzerland.
- Ho Ting-jiu (1971), *A comparative study of myths and legends of Formosan aborigines*, Orient Cultural Service (Dongfang wenhua shuju), Taipei, Taiwan.
- Jin Ronghua (1984), *Liuchao zhiguai xiaoshuo pingjie danyuan suoyin* [Index of motifs to stories of the extraordinary of the Six Dynasties], Zhongguo wenhua daxue, Taipei, Taiwan.
- Li Yiyuan (1982), *Taiwan tuzhu minzu de shehui yu wenhua* [Taiwan aboriginal society and culture], Lianjing chubanshe, Taipei, Taiwan.
- Lin Hengli (1962), "An analysis of the myths of the local peoples of Taiwan about shooting at the sun", *Minzuxue yanjiusuo jikan* [Bulletin of the Institute of Ethnology], vol. 13, pp. 99–132.
- Lisevich, I.S. (1982), "The substrate of reality in the myth of the Shooter I", in Sukhorukov, V.T., ed., *Teoreticheskie problemy izucheniya literatur Dal'nego Vostoka: Tezisy dokladov 10-i nauchnoi konferentsii, Leningrad, 1982* [Theoretical problems of studying the literature of the Far East. Abstracts of the 10th Scientific Conference, Leningrad, 1982], Institute of Oriental Studies, Moscow, USSR, pp. 146–147.
- Liu Chenghuai (1991), "On the formation, development, and meaning of creation myths", *Zhongguo minjian wenhua – minjian wenhua yanjiu* [Chinese folk culture – folk culture studies], iss. 4, Xuelin chubanshe, Shanghai, China.
- Mänchen-Helfen, O. (1937), "Der Schuß auf die Sonnen", *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, Vol. 44, S. 75–95.
- Meletinskii, E.M. (1979), *Paleoaziatskii mifologicheskii epos: Tsikl vorona* [Paleoasian mythological epic. Raven cycle], Nauka, Moscow, USSR.
- Nevskii, N.A. (1935), *Materialy po govoram yazyka tsou* [Materials on the dialects of the Tsou language], Academy of Sciences of the USSR, Moscow, Leningrad, USSR.
- Propp, V.Ya. (1946), *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of fairy tales], Leningrad State University, Leningrad, USSR.
- Qiu Qiqian (1966), *Bunong zu ka shequn de shehui zuzhi* [Social organization of the takibaha community of the Bunun people], Zhongyang yanjiuyuan minzuxue yanjiusuo, Nangang, China.
- Shan'shina, E.V. (1996), "Legends about the plurality of luminaries in Nanai mythology", in *Chetvertaya Dal'nevostochnaya konferentsiya molodykh*

- istorikov: Ussuriisk, 1–3 fevralya 1996 goda* [The Fourth Far Eastern Conference of Young Historians, Ussuriisk, Russia, February 1–3, 1996], Dal'nauka, Vladivostok, Russia, pp. 44–47.
- Taksami, Ch.M. (1975), *Osnovnye problemy etnografii i istorii nivkhov: seredina XIX – nachalo XX v.* [The main problems of ethnography and the history of the Nivkhs. The middle of the 19th – the beginning of the 20th century], Nauka, Leningrad, USSR.
- Yamada, Hitoshi (1997), *Taiyō no ite* [Sun shooter], M.D. Thesis, Kyoto University, Kyoto, Japan.
- Ye Shuxian (1991), *Yingxiong yu taiyang – Zhongguo shanggu shishi de yuanying chonggou* [The Hero and the sun – reconstruction of the original appearance of the ancient Chinese epic], Shanghai shehui kexueyuan chubanshe, Shanghai, China.
- Yin, Jianzhong, ed., (1994), *Taiwan shanbao gezu chuantong shenhua gushi yu chuanshuo wenxian bianzuan yanjiu* [Study of the text corpus of traditional myths and traditions of Taiwan mountain compatriots], Guoli Taiwan daxue, Taibei, Taiwan.
- Zhirmundskii, V.M. (1962), *Narodnyi geroicheskiy epos: Sravnitel'no-istoricheskie ocherki* [Folk heroic epic. Comparative-historical essays], Goslitizdat, Moscow, USSR.

Подготовка к печати А.Б. Старостиной

Информация о публикаторе

Аглая Б. Старостина, кандидат философских наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; abstarostina@gmail.com

Information about the publisher

Aglaya B. Starostina, Cand. of Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; abstarostina@gmail.com